

Владимир ЕШКИЛЕВ
Украинский поэт, прозаик, эссеист, автор книг стихов и прозы. Пишет на русском и украинском языках. Его произведения переведены на польский, русский, чешский, немецкий, сербо-хорватский языки. Член Ассоциации украинских писателей, Национального союза писателей Украины. Живёт в Ивано-Франковске.

Бальная пауза в Марсанском павильоне 1820 года
Герцог Беррийский сегодня убит после бала,
граф д'Артуа станет новым наследником. Вот в «Тысячу» смерти судьба белый лот проиграла.
Вечером вновь будет бал. И опять ставят лот
рядом с танцующей парой на бархат зелёный,
где арифметикой карт предсказали закон несовместимости девочек с временем оным,
несовместимости мальчика слонком времён.
Снова от губ поцелуй улизиёт в шпукатурку каяться трещинами и краснотой кирпича,
гвоздь обволакивать, словно наложница турка, словно батист герцогиню на спибе плеча,
что доверяется вместе с рукой кавалеру. Танец по бархату.
Гвоздь устает от стены.
Карты разложены, но герцогиня шпалеру вдруг задевает батистом. Усталые мы
вскользь наблюдаем паденье гвоздя, герцогини, графа-наследника, свечки на бархат стола.
Карты сгорают. Стилет террориста Мадзини здесь не востребован.
«Здесь Я была!» —
впишет костлявая копытю в гипсы плафона и удалится из зала стезей укоризн.
Графа поднимут, все девочки времени она в мальчиков нежно уткнутся.
Продолжится жизнь.

Уходящее
А я не ответил.
Теперь, вспоминая, болею.
И мой лабиринт — это точка последней из встреч.
Становится проще, нежней, акварельно светлее тобой удивлённая речь...
А эхо на дальних пределах стыда всё ищет своё отраженье, не столь в настоящем, сколь в прошлом, когда терпел от тебя поражение, но плена боялся... Теперь все страхи покрыла усталость.
И хлопает старая дверь всем жизнь проходящим.
Остались одни лишь слова да пространство, да стынть окоёма.
И жизнь: от настенных зеркал до дверного проёма.

За нумизматикой
Философ Розанов.
Рассыпаны монеты.
Расселось всё.
И табурет расшатан.
А так всё шло — строка к строке лепилась.
И аверс тетрадрахмы Сиракуз Светлел на бархате серебряной квадратой,
Стригастером пунийским споря О совершенстве Штампов, конских крупов.

Погасла лампа.
Аверс потускнел.
Не прогремел Глас Божий над Посадом.
Штык святотатца ангел не сломал.
И ветер век унёс сквозь подворотни В неистребимо красные квадраты, В неискусимо чёрные квадраты Без аверсов и реверсов И без Тех радостей, что громко дарит хаос Философам, чеканщикам, коням.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ
Поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в Донбассе, печатался в журналах «Донбасс», «Слобожанщина», «Вітчизна», альманахе «Вітрила». В 1991 году в киевском издательстве «Молодь» вышел первый сборник стихов. Теперь у него более трёх десятков книг, живёт в Москве. Секретарь правления Союза писателей России.

Стоя у окна поезда
«Москва — Донецк»
Снег идёт почти горизонтально.
Даль рябит,
как сломанный экран.
Воет ветер пьяно и скандально,
хоть и мог бы петь, словно орган.

Вон за тем оврагом — Украина.
Тонко вьётся ручеёк на дне...
Неужель всё это мне — чужбина?..
Жизнь моя,
иль ты приснилась мне?!

Киев окутала влага —
храм впереди иль майдан,
как во вселенском обмене —
то ли пропал, то ли пан?

Не угадаешь в тумане,
храм впереди иль майдан,
как во вселенском обмене —
то ли пропал, то ли пан?

Всё заслонила собою
плотная серая мгла.
Бес ли играет с судьбою?
Ангел ли свесил крыла?..

Как разорву на части
души единый плод?
Отчизну делая — власти,
но вовсе не народ.

Укутав плечи в иней,
лежат передо мной —
оранжевой мой Киев,
Донбасс мой голубой...

Коль ты и впрямь мужчина,
тогда признай, не трусь:
да, это — Украина,
но тут рождалась — Русь!

Чтоб с братьями не в споре я
протопал путь земной,
единая история
венчает нас собой.

Границы — небыллицы,
таможня — не стена!
Хоть две у нас столицы,
а Родина — одна...

Малая родина
Давно не бывал я в Донбассе. Тянулась душа, не забывшая кровную связь, туда, где осталась шахтёрская юность, как золото, в скифском кургане хранясь.

Полвека развеялись в пух, как полова, на бьющих в лицо судьболомных ветрах. Но я — ничего не забыл из былого и память не сжёг на осенних кострах!

И ныне, когда попустил нам Всевышний вчерашнее братство похерить в крови, я помню: вот здесь, под стареющей вишней, я грезил когда-то о первой любви...

Ужасы свершённой измены итогов!
И, глядя назад (как с горы смотрят вниз), я вижу, что не было лучшей дороги, чем та — мимо шахты моей... в коммунизм...

Не слышишь в других
промелькнувших столетях
идей вот такой высоты, чистоты...
А культы, репрессии — то междометия,
мосты, что в реальность ведут из мечты.

Глаза закрываю — и вижу не горе,
не ворона карканье слышу из мглы,
а счастье народное, что, словно море,
вдвигает до солнышка песен валы!

Доныне я слышу то многоголосье —
да так, что аж душу бросаю в озноб.
Пока мы одни — мы слабы, как колосья,
а вместе — мы были крепки, словно сног!

Давно уж столичным я стал человеком,
но снова — гремячая памяти клеть
несёт меня
к прошлому брошенным штрекам,
чтоб встретиться с тем, без чего мне не деть.

Вон там — чуть окрашена зорькою алой —
лежит, подставляя лучам косогор,
та родина, что называется «малой»,
но весит в душе — больше мира всего...

Игорь ВИТЮК
Родился в Житомире. Служил в Подмоскowie на инженерных, командных и научных должностях. Полковник. Секретарь правления Московской областной организации Союза писателей России, редактор Военно-художественной студии писателей Минобороны РФ, заслуженный работник культуры России.

Казачья грусть
В огороде сплет бузина,
Дядька в Киеве горилку пьёт,
Но Москвитин моя судьба полна,
Хоть в Москве меня никто не ждёт...

Где же ты, казачий край родной?
Где смели в яблоках сады?..
Я в Московщине давно уж сам не свой, —
Здесь другой вкус даже у воды...

Почему же, Украина-мать,
Ты меня направила в поход
На чужбине славу добывать,
На чужбине продолжать свой род...

Я — по-прежнему лихой казак,
Но — московский! И служу Кремлю!
В золотых погонах я — крипак!¹
Но, Украина! Я тебя люблю!

¹ Крипак (кріпак — укр.) — крепостной.

Московские думы
(триптих)
Моей дорогой маме
Людмила Петровна Витюк

1.
В час предвсвеченный,
В короткий час,
О чём заветном
Мечтал не раз?

Как вдруг уйду я
В другую Русь, —
В Москву чужую,
И не вернусь.

Как брошу хату,
Своё село,
Чтоб стать солдатом
Друзьям назло.

Дивчина скажет,
Что я — москаль!
Надверь укажет,
А мне — не жал!

Послужим верой!
Господь, спаси!
Став офицером
Святой Руси.

И чтоб — в погонах,
Да золотых,

Кадрить девчонок
Крутых-крутых...

2.
Но, как ни странно, —
Мечты сбывались.
И очень славно
Сложилась жизнь.

Щедра к желаньям
Моя Москва,
Исходит бранью
Вокруг молва.

А я — полковник,
К тому ж — поэт,
Но в снах сныновних —
Покою нет.

Забыв я Киев,
Забыв Днипро.
Слова чужие
Гнетут перо.

И что я сыну
Смогу сказать?
Про Украину,
Про ридну мать?

3.
Моя Украина —
Давно не Русь,
Там жить не файно² —
Сплошная грусть.

Кругом — чужбина,
И нет села.
Друзей судьбина
В гробы свела.

И без поблажки
Порублен сад,
Многоэтажки
Вдому висят.

Но в прежнем мире,
Где благодать, —
В пустой квартире
Тоскует мать.

В тиши лампадной
Молюсь за нас
В час предзакатный,
В ненастный час.

² Файны (укр., польск.) — красивый, хороший, надёжный

Юрий КИРИЧЕНКО
Автор 50-ти поэтических книг. Заместитель председателя правления Межрегионального Союза писателей Украины, член президиума Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины». Лауреат литературных премий. Кавалер ордена Святого равноапостольного князя Владимира Великого и Святых Кирилла и Мефодия.

Первое яблоко
А первое — не зелено, не кисло,
А первое — оно досталось мне.
Оно тяжёлой зрелостью повисло,
Дремало лето у зимы на дне.
А первое — оно всегда с укором,
Сорвать его до срока — грех и стыд.
До срока снять — не избежать позора,
Кто не сорвёт — себе же не простит.
А первое — таинственно и свято,
Пусть даже кто-то дичкой называет.
Под яблоней трава ещё не смята,
И ничего, что сок его — не мёд.
Спасибо вам, что не бранили, мама,
За счастьем вправду ходят по стерне.
А первое бывает сладким самым,
А первое — оно досталось мне.
Придут дожди и вьюжные картечи,
И ляжет иней, по листьям скользкая.
И бремя лет оттянет тяжко плечи,
А первое — его забыть нельзя.
Его сравнить со зрелым не берусь я,
На спелое его не обменяю.
Я помню с благодарностью и грустью,
Как молча мама поняла меня.
Я знаю, отчего в нём столько пыли,
Я знаю, почему душистей нет,
И отчего оно не терпко было,
Завещанное сердцем только мне.

Ночь познания
Пришла в ночи — любви! —
сказала мне —
Лепи меня, ваятель мой,
я — глина...
Любовь ещё не жгла меня в огне,
Мои уста — осенняя рябина...
Как ятаган турецкий — бровь моя,
Как две звезды мои ладони жарки.
В одной — стрела и тетивы змея,
В другой — предчувствий горестных подарки...
Не медли же, пойма же и прости,
Пусть те тебе, а ветру я супруга.
Чтоб с этой ночи сына понести,

Себя несла к тебе я через вьюгу...
Возьми меня, как печенег — залог
Победы, потеряйся в тёмной чаше
Моей косы, я вся — от глаз до ног —
Твоя, тебе — мой взгляд горячий...
Мой ветер — всемогущий и святой,
А я — кислица терпкая средь луга...
Мне перстенёк не нужен золотой,
Не закрываю сердце я кольчугой.
Светлее первых роз любви душа,
Но сердце иногда скорбит о зное —
Спешит и кровь и мысли искупать,
И звать: мой Кармелюк,
явился за мною!
Ну что ж, пускай ты даже не Кармель,
А я — днепрянка юная, — ну что же...

Я замку принца предпочла свирель —
Свобода добродетелей дорожке...
Моя слеза на вкус, как семь разлук,
А георгин в косе пылает болью...
Прошу тебя: избавь меня от мук,
Я задыхаюсь, как в золе — уголья.
Пришла к тебе, хоть ветру я жена,
А ты лоби меня, чтоб долго снилась,
В любви какая может быть вина?
Судьба звала, и я к тебе явилась...
Люби... Уходят звёзды в долгий путь,
Лепи меня, ваятель мой, я — глина...
Как дикий голубь, в ожиданье груди,
Уста — тебе дарёная рябина...
Я — ветрова, да где то он сейчас...
Он, как меня, забыл свою тиару.
Целуй меня сильнее во сто раз,
Мой муж меня чудачкой звал недаром...
О странной ночи мне расскажешь сам:
Без месяца и звёзд в фате из снега,
И как глаза приблизились к глазам,
Уста — к устам...
А сердце — в темпе бега...
Та ночь для нас — не лодка и весло,
Та ночь для нас — познания многолетье.
И будет — сколько б вёсен не прошло —
Единственной и навсегда последней...
Авторизованный перевод с украинского Евгении Приговой

Анатолий КУРАСОВ
По профессии инженер-экономист. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Поэзия», в альманахе «День поэзии». Автор трёх поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в г. Одинцово.

Прощание с веком
Прошай, двадцатый век!
Ты был мне отчим домом.
Не пасынок я твой,
не ворог и не хам.

Спасибо, что я жил
строкой в незримом томе
Среди людских забот,
не кланяясь верхам.

Спасибо за страну,
за русское раздолье,
За нежность матерей,
за мужество отцов.

Пусть кончился мой век,
как тризна у застолья,
Его я сохранил для будущих чтенцов.

Первый год после войны
Две женщины смостков стирали
Бельё солдат, поддёрнуты юбки.
И песня, полная печали,
Плыла из капитанской рубки.

И чайки с дерзостью пиратов
Кружились, налетая лихо.
Шла вперемешку с терпким матом
Погрузка птицы, коз и жмыха.

Баржа отчаливала боком.
Волна плескала в борт угруго.
Пел сухой ветер. В мгновенье ока
Забывшись духота и ругань.

Хотелось вырваться на волно
Скорей, где волны спорят с ветром,
Где, не желая лучшей доли,
Мог каждый стать в душе поэтом.

Я певец прощаний-расставаний.
Я певец невсказанных грёз.
У любви есть залы ожиданий
И причины, мокрые от слёз.
Снова что-то счастье баламутит
Внезапно повзрослела наша молодость
И стигнули куда-то старики.
Пусть в новом веке всё пойдёт по-новому.

Известно — молодое молодым.
Но только не забудьте нашу кровную
Россию,
где так сладок отчий дым.

Билал АДИЛОВ
Родился в селе Судур Кусарского района Азербайджана. Окончил с отличием Азербайджанский экономический институт. Автор более тысячи статей и очерков по различным областям общественной жизни. Один из основателей и редакторов первой лезгинской газеты Азербайджана «Самур». Живёт в Баку.

Родное слово
Родной язык, родное слово —
Народа главная основа,
Мир отражающее око,
Что смотрит в прошлое далёко,

Душа лезгина, даль без края,
Любимая земля родная,
Зелёный луг, овец отара...
Стихи Далаха, Келентара.

Ты — лес и горные вершины,
Язык Мехмана и Эмина,
И Шарвали, и Сулеймана...
Родной язык — моя нирвана.

Язык поэтов и героев.
Гаджи-Давуд владел тобою.

Ты сына оттолкнуть не можешь
И мне весь мир познать поможешь.

И, чтоб познать твоё значение,
Душе подарить вдохновенье.

Сегодня кто-то мне сказал,
Что зря я много лет писал,
Что обесценен нынче стих.
«Неужто нет забот других?»

Бросал бы ты слова слагать...
На деньги их не обменять.

А, если славою влеком,
Пиши на языке другом...»
Ему ответил: «Чудак,
Не можешь ты понять никак —

Я выгодой не жил ни дня.
Не торопись хулить меня.

Я верю, что язык всегда,
Как путеводная звезда,
Он дарит нам бессмертный свет,
Чтоб шли за предками в след.

Такой я вижу смысл в словах.
Пример мне — предок мой Далах!¹

Его я следую тропой.
Горжусь, как он, землёй родной!

За всё, что на земле люблю,
Хвалю я родину свою!»

¹ Далах Стур — лезгинский поэт XII в.

Сегодня мне сказала мама
Сегодня мама с горечью сказала:
«Седеше раньше времени, сынок».
Она, как перед раненым, стояла,
Не удержав свой материнский вздох.

Ах, мама, мама! Ты уже забыла,
Увидев белой паутины нить,
Слова, что мне когда-то говорила:
«Закон природы нам не изменить».

Ну, что же тут поделаешь, родная?
Природа изменяет цвет волос.
Друг друга годы и века сменяют,
Без смены никогда не обошлось.

Тебя напрасно седина тревожит.
Идёт без остановок караван...
Пусть я тебя на много лет моложе,
Подкралась осень и к моим годам.

Скорее потуши в душе тревогу.
«Ах, милый друг, за чередою дней
Сердца и души матерей не могут
Не волноваться за своих детей!»

Я истинно познал в мгновенье эти:
Для матерей и в старости мы — дети!
Перевёл с лезгинского Валерий Латынин

«Где же ты, казачий край родной?»

«Родной язык — моя нирвана...»